

Новое дело
Тани
Садовниковой

ВИЖУ ВАС ИЗ ОБЛАКОВ

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы
Вижу вас из облаков
Серия «Знаменитый тандем
Российского детектива.
Новое оформление»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67284983

Вижу вас из облаков / Анна и Сергей Литвиновы: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-166568-5

Аннотация

Таня Садовникова ходила на массаж к филиппинке Данг и неожиданно с ней подружилась. Однажды массажистка попросила помочь – пропала ее постоянная клиентка, Женя Сизова. Вместе девушки выясняют: с той случилась беда. Таня под видом волонтера знакомится с Жениным мужем Максимом и их сыном Митей. Много в жизни этой семьи кажется ей странным и подозрительным. Теперь Данг, Таня и ее отчим полковник Ходасевич пытаются узнать, кто виноват в трагедии Жени. Неожиданно для себя они выясняют, что в прошлом добропорядочной матери семейства имеется немало темных пятен...

Закрученная интрига, понятные и близкие читателю персонажи, современные проблемы – вот секрет успеха хорошего детектива за авторством Литвиновых. Следствие вновь ведут хорошо известные читателям по романам и телесериалам герои – авантюристка Татьяна Садовникова и ее отчим, отставной полковник внешней разведки Валерий Ходасевич.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

76

Анна и Сергей Литвиновы

Вижу вас из облаков

*«Прекрасным шольским вечером я еду на «Мерседесе».
Ее желание под номером три.*

*«Мерсичек» – точно, как мечтала. Вызывающе красный,
двухцветная кожа салона, акустическая система, разгон до
ста километров в час за считанные секунды.*

*Платеж – девяносто четыре тысячи в месяц. И сейчас ее
любимчика, зависть всего двора, спортивный CLA-200, гру-
зили на эвакуатор.*

*Вокруг соседи толпятся, языками чешут. С пятого эта-
жа особо не разглядишь, но не сомневалась: рожи у всех зло-
радные.*

*И тринадцатый айфон про макс (желание номер шесть)
лежит молча. Лучший в мире мужчина (в списке мечтаний
первый) уже пятый день не звонит. Зато от бухгалтерии
десяток пропущенных. Поставщик ждет оплату, сотруди-
ники хотят получку. А она банкрот. Полный ноль на всех
счетах. И нигде, даже под самую дикую ставку, кредит не
дадут – месяц, как попала в чернейший из списков.*

*«Проси у вселенной максимум», – учила ее Елена.
И она просила.*

*Куратор лично редактировала список желаний. Весело
смеялась над школьной еще мечтой – открыть маленькое*

ателье.

«Те, кто ставит скромные цели, всегда будет считать копейки и бороться за выживание, — внушала наставница. — К черту швейную мастерскую. Дом моды! Верь в себя, тогда и другие поверят!»

И все ведь получилось. Было по-настоящему классно: собственный кабинет, секретарша в предбаннике, и на световфоре все головы в ее сторону.

Получить первый кредит оказалось несложно. И второй. И третий. Ну и пусть она должна сотни тысяч — все отобьется, когда дебютная коллекция прогремит.

И даже сейчас, когда прекрасное королевство рушилось, она ни о чем не жалела. Елена права: лучше промелькнуть яркой кометой, чем всю жизнь влачиться. А дожить до старости и нищенствовать на пенсионные копейки — глупо и примитивно.

Эвакуатор с любимым «мерсиком» выехал со двора, зевачки разошлись. Она еще раз взглянула на телефон. Принц так и не позвонил.

Но он ведь был в ее жизни, так что все не зря.

Открыла коробочку с таблетками, налила шампанского. Белые шайбочки обрастают пузырьками, растворяются элегантно. Желание быть всегда молодой в ее списке тоже имело, шло под номером восемь.

Сейчас сбудется и оно.

Встряхнула бокал и залпом выпила.

Официально присутствовать на тренировках родителям запрещалось, но кто хотел – пробирались. Пригибались, прятались за скамейками, по два-три часа сидели на холодном полу, подглядывали в щелку, грелись чаем из термоса.

Хоккей – спорт для мужчин, если по головке гладить, чемпиона не воспитаешь. Тренеры на детей постоянно орали. А если крик не помогал, горе-воспитатели проявляли изобретательность – так достучаться, чтоб провинившиеся надолго запомнили.

Месяц назад она впервые увидела «наказание по-тарасовски» – ледащего пацана (по счастью, не Юрочку) поставили безо всякой вратарской защиты в ворота и метали в него шайбами, пока не упал, не начал рыдать.

А сегодня и ее мальчику прилетело – за то, что посмел три раза подряд не попасть в створ. Сначала получил от тренера клюшкой по руке, а дальше отправили ползать по-пластунски – по всему катку. Товарищи по команде с удовольствием ржали. Родители в своем укрытии довольно громко перешептывались, что поделом, Юрка – увалень, давно его гнать пора.

Она сжалась в комок, прикусила губу до крови. Своих-то детей жалели, когда тренер бесчинствовал. Один папаша вообще психанул: выбежал на лед, тряс за грудки, обещал

братков и прокуратуру. Но Юрочку беречь некому. Возила его няня, процессом не интересовалась, все тренировки просиживала в буфете.

И пусть сколько угодно говорят, что в спорте нельзя иначе и характер воспитывается наказаниями, — до чего больно смотреть, как Юра, весь в ледяной крошке, ползет из последних сил, а тренер и остальные громко хохочут.

Наплевала на конспирацию, встала в полный рост, выкрикнула: «Ну вы и сволочи!»

Выбежала в слезах.

Сколько еще ей придется платить — за одну роковую, глупую, считай, детскую ошибку?

* * *

Митя проснулся посреди ночи — а на него огромная луна смотрит. Точно в окно уставилась. Глаз прищурила. Мама говорила: на самом деле, это не глаз, а море. Только заполнено не водой, а вулканической лавой. Но все равно страшно. Когда луна полная, мама всегда шторы плотно задергивала. Но теперь мамы нет, а тете Люсе все равно.

И пить хочется. На ужин были котлеты, ужасно соленые, даже папа жаловался, но тетя Люся отрезала: «Я здесь при чем? Фарш такой».

Митя вспомнил, как мама вертела ручку мясорубки, добавляла потом всякое разное, соль сыпала аккуратненько, по

щепоточке, и спросил:

– Вы разве не сами делали фарш?

– Сынок, помолчи, – попросил папа.

А тетя Люся сразу орать:

– Я что тебе тут, разносолы наворачивать буду? Не нравится – ходи голодный.

– Можно я себе хлеба пожарю?

– Еще чего! Потом за тобой сковородку оттирать два часа?!

Папа скривился, но Митю поддержать даже не подумал – и к тетке Люсе, виновато:

– Не обращайтесь внимания. Переживает малец.

– Да понимаю, конечно, – поджала губы соседка. – Но и мне обидно. Целый день крутишься, а только одни претензии.

Обернулась к Мите, сказала строго:

– Носиться с тобой теперь некому.

– Есть кому! – У Мити сразу слезы из глаз. – Мама скоро поправится! Вернется! И все станет по-старому!

– Конечно, Митя, поправится. – Голос у папы лживый.

А тетка Люська усмехается гнусно.

Почему они все не верят? Мама молодая. Когда «Скорая помощь» приехала, выглядела, будто задремала. Как спящая красавица из фильма. И врач сказал: сердце бьется. Значит, все нормально будет. Тем более мамочка к нему приходит, просит потерпеть, совсем недолго. Обещает: скоро вернется,

пирожков любимых ему напечет.

Митя послушно ждет, терпит. Но как же хочется пить после пересоленных котлет! И луна страшная, щурится на него, подмигивает.

Взял мишку Тоби любимого, крепко обнял. Одеялом с головой укрылся. Лето, форточка приоткрыта, ветер рвется, завывает, и еще всякие звуки. Может, ветки скребут по окну, а может, кто страшный лезет. Его любимый пес Арчи во дворе скулит жалобно, а сюда не позовешь, в теплую шерсть носом не зароешься. Тетка Люська сказала сразу: собаку уличную в доме она не потерпит. Хотя он не уличный совсем, а джек-рассел, мама ему мыла лапы, а потом разрешала в кровати спать.

Закутался еще плотнее, забрался под подушку. Но не уютно стало, а только хуже: вдруг чудовище неведомое с улицы уже в спальню прокралось и подбирается к постели, пока он не видит?

К маме бы, да хоть к злой соседке – только под теплый, взрослый, безопасный бочок! Но тетка Люська уже ушла, а к отцу не пойдешь – наругает. Скажет, что нельзя нюнить.

Уткнулся в сваливающую шерсть медвежонка Тоби и зарыдал в полный голос. Мама бы давно прибежала. Но папа в гостиной только телевизор погромче сделал.

Данг снова проснулась от того, что плачет ребенок. Два часа ночи. Полная луна смотрит в окно.

Села на кровати, прислушалась. Соседка по комнате посапывает, за обеими стенками тишина. Девочки иногда засиживались, шумели – но не после субботы, когда клиентов сплошной поток, а в воскресенье еще больше будет. Да и рыдал именно малыш, а у них в общаге детей не имелось.

Значит, опять сон.

Злые люди на родине иногда называли ее *мангкукулам*, черной колдуньей. Но это они от зависти. На самом деле Данг сроду с куклами вуду не баловалась, ни на кого злых заклятий не наводила. Но необычное в ней имелось. Вещие сны видела. Особенно в полнолуние. Мудрая бабушка советовала: никому про дар свой не рассказывать, а то ведь и камнями могут забить. Но трудно удержаться, если знаешь: в твоих руках чья-то судьба.

До чего жалко мальчонку! Видит ребенка ярко, во всех деталях: худенький, бледный, слезы ручьем. И кто его мама, она знает. Нельзя равнодушно отвернуться. Оставишь ребенка в беде – навек себе карму испортишь.

Были времена, когда Таня Садовникова чуть ли не все выходные проводила в спа-салонах. Любая новинка в Москве появится – сразу на себе тестировать. Массажы самые причудливые, лазеры, водорослями обертывалась, на флоатинге расслаблялась, в капсулы красоты залезала.

Отчим Валерий Петрович над любимой падчерицей посмеивался:

– Будешь у меня самая ухоженная старушка в Москве.

Поначалу Таня вскипала, возмущалась: следить-то за собой надо, а стареть она вообще не собирается.

Но с годами к бесконечному самоусовершенствованию охладела. Лучше утренней пробежки и здорового сна все равно ничего не придумали. А если уж ходишь омолаживаться, то только к проверенным мастерам.

Взять хотя бы ее филиппинскую массажистку – Данг. Не больше минуты по спине проскользят легкие пальчики, и сразу нащупывает проблему. Забитый трицепс. Слегка смещенный позвонок. Воспаленная мышца. Но никакого насилия или болевых ощущений – разминает мягенько, осторожно.

И в общении приятная. Охота Тане поболтать – всегда поддержит беседу. Но если видит, что клиентка не в настроении, работает молча.

Садовникова ходила к своей любимой мастерице второй год и как-то после массажа, расслабленная и одновременно взбодренная, вздохнула:

– Ох, Данг, уедешь домой – что без тебя делать буду?

– Я здесь еще три года, мадам.

– Надо мне свой отпуск под твой подстроить.

– Не волнуйтесь, мадам. В отпуск я тоже не поеду. Все дни к вашим услугам. Только в четверг выходной.

Таня даже чашечку с правильным травяным чаем отставила:

– Данг, ты с ума сошла? Как можно работать – четыре года без отпусков?

– Я бы хотела и на пятый остаться, если контракт продлят.

– Ты что, одинокая?

Лицо растеклось в нежной улыбке:

– Нет, мадам. У меня есть сын. Дочь. Еще дочь. Школьники. Но мы с мужем хотим построить свой дом, а на Филиппинах это очень дорого. Поэтому я вынуждена зарабатывать.

– Но дети вырастут без тебя!

– Мы каждый день общаемся по скайпу, я их вижу. И другого выхода у меня все равно нет.

Таня взглянула на массажистку внимательно: на жалость, что ли, хочет пробить, чтобы чаевых в следующий раз больше оставили?

Но смуглое спокойное лицо выражало одно лишь смирение и полную покорность судьбе.

Садовникова спросила:

– А в Москве тебе нравится?

– Не знаю, мадам.

– То есть как?

– Я здесь ходила только в торговый центр и однажды в поликлинику.

– Даже на Красной площади не была?

Данг смутилась:

– Я хотела. Но испугалась заблудиться в вашем метро.

– Ну нет, – решительно сказала Садовникова. – Это уже перебор.

И (как часто в ее жизни бывало) приняла спонтанное решение:

– Со следующего четверга начну тебя образовывать. Для начала покажу Кремль. И поужинать куда-то в приличное место сходим.

Данг отступила:

– Как вы сказали, мадам?

– Я хочу показать тебе свой любимый город.

Карие глаза сверкнули недоумением:

– Но мадам! Зачем вам это надо? Свое собственное время на меня тратить?

И голос настороженный стал. Таня рассмеялась:

– Данг, не волнуйся. Никаких черных помыслов я не держу. Банальное русское гостеприимство. Это же безобразие: второй год здесь живешь, а в Москве даже не видела ничего.

И в ближайший четверг ушла с работы пораньше. Подхватила у салона принаряженную Данг и повезла – сначала на Красную площадь, потом кормить – в «Доктора Живаго», тоже с видом на Кремль.

Филиппинка поначалу держалась скованно – то ли за лесбиянку Татьяну принимала, то ли еще какую злодейку с тайными намерениями. Но краеведческие рассказы (Садовникова к экскурсии готовилась, освежала в памяти матчасть про Кутафью и прочие башни) слушала с интересом, а когда пельмени ресторанные попробовала, опешила:

– Мы вроде точно такие ели. Из пачки. Но они совсем другие на вкус.

Таня весело объяснила:

– В России два вида пельменей. Замороженные, в магазине – это гадость. А в хорошем ресторане – произведение искусства.

– Они здесь просто удивительные, – похвалила Данг.

Глубоко выдохнула и спросила – голос решительный:

– Мадам! Вам что-то нужно от меня?

– Господи, Данг! Да что с тебя взять?

– Я не верю, что вы привели меня в ресторан просто так.

– А ты поверь. Я поставила себя на твое место. Каково, когда все близкие за тридевять земель? Ты безвылазно или в салоне, или в общаге своей. Это ж свихнуться можно. А у меня все равно вечер свободный.

– Мадам. Вы очень добрая.

– Можешь меня Таней называть?

– Таня, – старательно повторила филиппинка, – приходите в следующий раз пораньше. Я буду стараться дополнительный массаж вам делать.

– Данг, да расслабься ты! Я не за выгоду – а от души. Будешь русскую водку пробовать?

Опять испугалась:

– Нет, нет! Мне завтра на работу.

– Ну а я за рулем. Тоже не буду. Ты на балете когда-нибудь была?

– Н-нет.

– В следующий раз сходим.

* * *

С тех пор минимум раз в месяц Таня свою массажистку вытаскивала – просвещаться в Третьяковку, восторженно ахать в Большом театре, визжать на американских горках. Данг пыталась деньги совать, свою долю, но Татьяна спросила:

– Ты сколько в месяц получаешь?

Массажистка ответила.

– Я – в пять раз больше, – пожала плечами Таня. – Детей нет, дом не строю. Так что не забивай себе голову. Ты ничего не должна. Мне просто приятно тебя порадовать.

Данг взглянула внимательно. С виду простушечка, но гла-

за словно насквозь просвечивают. Садовникова спокойно перенесла «рентген» – скрывать нечего.

А массажистка торжественно произнесла:

– Хорошо, Таня. Я приму твое добро. Но, пожалуйста, больше никогда не оставляй мне чаевых. И когда я вернусь домой, на Филиппины, пообещай, что приедешь и будешь моим первым и самым почетным гостем.

– Договорились, – пообещала Садовникова.

В салоне никто про их дружбу не знал – общаться с клиентами в неформальной обстановке массажисткам запрещалось контрактом. Но телефонами девушки обменялись. Таня взяла с Данг слово: если вдруг какая, не дай бог, беда, обязательно позвонить.

– Ты иностранка, язык не знаешь. Для тебя проблема неразрешимая, а мне – две секунды решить.

– Спасибо, Таня. Конечно.

Впрочем, Садовникова была уверена: гордая филиппинка и так тяготится, что за чужие деньги развлекается. Даже если с ней что приключится – беспокоить не станет.

Но Данг позвонила.

* * *

В контракте написано строго: «Обсуждать клиентов категорически запрещается», но что еще делать, когда время свободное? А «окна» у мастеров имелись, особенно в будни. И

подслушать, о чем между собой болтают, некому – администраторы все равно только английский язык понимают.

Клиентку по имени Женья (русскую букву «я» никто из девушек произносить не умел) дружно именовали *inahin* – что означало «кураца». Вечно встрепанная, шарфик криво, без косметики, волосы в хвостик. И телефон во время сеанса не отключала. Отзывалась, правда, только на звонки сына (на него детская мелодия стояла). Отрывала от массажа собственное время, терпеливо слушала, давала указания. А однажды мальчика (лет шести-семи, по имени Митья) с собой в салон привела. В отличие от заполошной мамы ребенок спокойный, одет аккуратно. Весь час, пока Данг поправляла *inahin* ее проблемную спину, смиренно рисовал в уголке массажной комнаты.

Женья (хоть и кураца) Данг нравилась: благодарила искренне, чаевые оставляла не шибкие, но еще больше их ценишь, когда понимаешь – клиентка не из богатых, деньги считает.

Никаких особых разговоров не вели – сам мастер личных вопросов никогда не задает, а клиентка не рассказывала. Но по одежде, манерам, сумочке понятно: на самых задворках среднего класса обретается. В сравнении с Таньей – небо и земля.

Однако ходила четко раз в неделю: понимала, что с ее спиной меньше никак нельзя. Если случались форс-мажоры – всегда отменяла заранее, извинялась. И вдруг в свою тради-

ционную субботу просто не пришла.

Сначала Данг даже обрадовалась – хотя бы появились у нее минут десять присесть, чайку глотнуть, прежде чем внепланового клиента подсунут.

В салоне правило: если у постоянного посетителя массажи вперед проплачены (это выгоднее, чем разово), отменять сеанс можно за три часа. А дальше – сорри, деньги сгорают.

Но Женья в ту субботу ни о чем не предупредила. Через пять минут после начала массажа администратор позвонила клиентке – та не ответила. Деньги с абонемента Женьи списали, а Данг подсунули отвратительного жиртреста на дагай¹.

И в ту же ночь массажистке приснился плачущий Женин сын Митя. Обнимает медвежонка потрепанного, зовет жалобно:

– Мама, мамочка!

Но никто к малышу не подходит. Только собака во дворе воет.

Данг проснулась, встала. Выглянула в окно. Луна полная, яркая. Значит, точно: сон не случайный. В полнолуние пустого не видится.

Что-то случилось с клиенткой. А ребенок без присмотра остался. Когда Женья с сыном по телефону болтала, вроде бы *papa* упоминался, но в ее видении к сыну не подошел, не утешил.

---

¹ Традиционный филиппинский массаж ног, включает в себя элементы шиацу и китайской акупунктуры.

«И что тебе до того?» – спросила себя Данг.

Чужая страна, чужие женщина и ребенок.

Но вдруг малыш – вообще один в доме? И не знает, как выйти? Окружающую обстановку ей *показали* приблизительно, но точно не квартира. Коттедж или dacha. Обстановка скромная. На окне решетка. А если ребенок похищен?

До утра массажистка уже не заснула. Пришла на работу с больной головой. Администратор, к счастью, сегодня Любочка. Называет их «девоньки», до клиентской кофемашины допускает. И поболтать с ней можно.

Данг подошла к стойке, сказала смиренно:

– Ко мне вчера клиентка не пришла. Хотя обычно очень аккуратно ходит. Можешь ей позвонить? Спросить, что случилось?

Любочка (как и сама Данг) прекрасно знала негласное правило: в день сеанса клиента беспокоят. Если вдруг просто забыл, могут время перенести на другой день, в виде исключения. А на следующие сутки (коли запись все равно пропала) звонить какой толк? Денег-то все равно уже не вернешь.

– Ну, не пришла – и не пришла. Что тебе до нее?

Пришлось соврать:

– Я для нее масло с лемонграссом берегу. Если ходить не будет, на других клиентов потрачу.

– Ладно. Позвоню.

Любочка нашла в компьютере номер, набрала, поставила на громкую связь. Длинные гудки.

– Домашнего телефона нет? – с надеждой спросила массажистка.

– Мы у клиентов не просим. В России их все равно почти все поотключали.

Данг против воли вспомнила старинный дисковый аппарат, что остался дома на Филиппинах еще от бабушки, и вздохнула.

– Ну, окей. Если Женя позвонит, передай, что жду ее всегда.

Весь день, пробегая мимо рецепции, с надеждой взглядывала на Любочку. Вечером уточнила:

– Не звонила Женя?

– Нет.

И тогда – не дожидаясь очередного страшного сна – Данг решилась.

Вышла на улицу. Прошла пару кварталов – в другую сторону от их общежития. Достала телефон. И нажала на имя «Таня».

Немыслимо, конечно, звонить клиентке в воскресенье в начале одиннадцатого вечера. Но Данг почему-то казалось: Таня поймет. И не станет сердиться.

* * *

Чем старше родители, тем несносней становятся, – все по-други жаловались. Но оптимистка Садовникова радовалась:

ее родичи не лежащие, не в маразме, что уже хорошо. А мелкие причуды можно пережить. Подумаешь, требует мамуля обязательного контрольного звонка в 23.00 – наберем, жалко, что ли. И олады (категорически вредные для фигуры) раз в неделю вытерпим. Даже вечные разговоры про «замуж и дети» научилась выслушивать покорно, не взрываться в ответ.

С любимым отчимом Валерочкой еще проще – впрочем, как и всегда было. Тоже стареет, конечно. Все больше толстеет. Про диету и плохой холестерин даже слышать не хочет. С любимой жилеткой (Таня подарила лет двадцать назад) расставаться не желает, самолично штопает дырки. Но хотя бы мозг, как мамочка, не выносит.

И готовит по-прежнему обалденно. Раньше только классикой баловал – борщи, бигос, отбивные с картошкой, – а нынче кулинарные программы смотрит, на инстаграммы продвинутых поваров подписался. То на креветки в сливочно-манговом соусе попадешь, то на мидии, маринованные по гламурному рецепту.

Сама Таня тратить время на готовку ленилась, поэтому искренне удивлялась:

– Охота тебе возиться?

Отчим улыбался:

– А что еще делать? Времени полно. И голод информационный заодно утоляю. Кроме кулинарных шоу, больше нечего по телевизору смотреть.

Тут не поспоришь – сама Садовникова зомбоящик в принципе не включала.

Жаль только, что недюжинные аналитические способности Валерочки втуне пропадают. Сколько раз выручал ее, вытаскивал, спасал! Притворялся, будто злится, но Таня-то не слепая. Да, Валера переживал, когда падчерица влипала в очередную авантюру, зато, если нужен своей любимице оказывался, на глазах молодец-подбирался. А нынче Садовникова ведет правильное, размеренное бытие. Отчим делает вид, будто этому рад. Но она и сама скучала, и Валерочку давно хотела встряхнуть-развлечь. А то потеряет старичок нюх или вообще в Альцгеймер впадет, без мозговой-то активности.

Поэтому, когда вечером в воскресенье позвонила Данг, Таня еле смогла скрыть радость. Массажистка винилась, что причинила беспокойство, а Садовникова ликовала: наконец-то хотя бы минимальный водоворот в монотонном течении бюргерского существования!

Жаль, конечно, что не мир спасти. Но помочь филиппинке надо.

Валерочку поздним визитом пугать не стала. Позвонила и предупредила, что завтра к обеду придет.

Мама бы сразу трепыхаться: что случилось, почему вдруг посреди рабочего дня?

Но отчим лишь уточнил:

– Ты не на диете?

Таня как раз собиралась затеять детокс на смузи, но, в предчувствии приключений, с удовольствием его отменила. Когда жизнь летит-несется, лишний вес не прилипнет.

С утра на работе включила турбонадув и в два часа покидала офис с легким сердцем – все, что планировала на день, исполнила, а право не отсиживать тупо от звонка до звонка, по счастью, давно себе выслужала.

Заскочила в продуктовый, приобрела икорки, колбаски, сырку хорошего – чтоб не являться к пенсионеру на хлебничей. И с удовольствием погнала на Сельскохозяйственную, где в однокомнатной квартирке на первом этаже проживал отчим.

Соблазнительные запахи уловила, еще когда парковалась.

Обняла Валерочку, порадовалась – выглядит неплохо, – спросила:

– Судак по-польски?

– Пф. – Он тоже окинул ее внимательным взглядом, понял: лично с Таней ничего не случилось, и усмехнулся: – Я похож на повара советских времен?

– Тогда... барракуда? Фаршированная икрой летучей рыбы?

– Нет, сегодня скромно. Запеченный карп на овощной подушке с грибами.

– Вау!

– И сугудай на закуску.

– Сугу-что?

– Пойдем.

Прошли в комнату – когда падчерица не сваливалась как снег на голову, Валерочка всегда накрывал стол там. Ну, пижон, настоящий пижон становится к старости! Скатерть наглаженная. Приборы разложены по линеечке. Кольца для салфеток завел!

Какой уж тут детокс! Таня копила аппетит с утра. Сугудай оказался семгой, маринованной по рецепту северных народов. Карп таял во рту. Не забыл отчим и про ее любимую корейскую морковку. А как удержишься от черненького из хлебопечки да с домашним маслицем на семи травах?

После обильной трапезы пришлось пуговицу на брючках расстегивать. Отчим тоже расслабил пояс домашних штанов.

Таня простонала:

– Раскормишь ты меня! До своих габаритов!

– Еще шоколадный фондан будет, – усмехнулся отчим.

– Нет, нет! Давай сделаем перерыв. У меня к тебе дело. Для твоей квалификации смешное, но я обещала помочь. Это не для меня. Данг попросила.

– Филиппинская девушка? Которую ты просвещаешь? – Валера, в отличие от мамы, знал все (ну, или почти все), чем Таня живет.

– Ага. Она. У нее клиентка на массаж не пришла и даже не предупредила. Телефон не отвечает. Данг волнуется. Никакой тебе реакции в ответ. Молчит. Слушает. Таня улыbnулась:

– Сама понимаю. Звучит глупо. Клиент – он и есть клиент, один ушел, другой появится. Но Данг... она, понимаешь, немного экстрасенс. И у нее нехорошие предчувствия. Ей снится, что сын этой клиентки один, плачет, а мамы нет нигде. Я знаю: ты предсказателям не веришь. Но Данг клянется, что у нее сны вещие. Ну, или она так считает. Иначе не позвонила бы мне. Для филиппинки это вообще неслыханно – малознакомого человека побеспокоить, да еще вечером!

– Вы на каком языке общаетесь? – спросил вдруг Валера.

– На английском, конечно.

– А если клиент не знает английского?

– Администратор спрашивает пожелания по массажу и переводит.

– А в России твоя Данг давно?

– Второй год.

– Ясно.

Вроде бы ничего не сказал, но Таня вдруг вспомнила: они сидят в ресторане. Обсудили заказ, официантка уточняет, записывает. И Данг не хлопает глазами, как обычный иностранец непонимающий. Явно вслушивается в русскую речь.

– Может, и понимает немного по-нашему, – запоздало признала Садовникова. – Но точно не знаю. Мне проще по-английски, чем корявый русский разбирать.

– Массажистки вообще народ смысленый. Шустрый, – усмехнулся Валера.

– Это ты к чему?

– Да так. Одну оперативную разработку вспомнил.

– Думаешь, Данг меня использует? – нахмурилась Татьяна.

– Ну, ты ведь по ее просьбе здесь, – парировал Валера. И поспешно добавил: – Хотя я очень, очень этому рад. А скажи, вы когда в рестораны вместе ходите, кто платит?

– Я. Но сама и предложила! У нее зарплата копеечная, детей трое. Она все домой отсылает!

– Танюшка, не горячись. Мне нужно знать, на кого я работаю.

– А ты ей поможешь? – просияла Татьяна.

Валерочка подмигнул:

– Придется. Раз ты говоришь – малоимущая.

– Не издевайся. Данг реально переживает!

Но по лицу отчима видела: в добрые намерения филиппинки тот ни капли не верит. Хотела продолжить спор, но осеклась. Какая ей-то разница? Хочет Валера подозревать массажистку во всех смертных грехах – так и пусть себе. Если Данг действительно не окажется пушистой и белой, Тане урок. Впредь внимательнее себе подруг будет выбирать.

* * *

Первым делом Валерий Петрович выznaл все, что мог, про «заказчицу».

Тридцать пять лет, муж, трое детей, медицинский серти-

фикат. В России легально – рабочий контракт, налоги, регистрация в столице. Зарплата, похоже, занижена и санитарная книжка покупная, но тут не с филиппинки надо спрашивать. Сам Ходасевич по массажным салонам не ходил, но по работе сталкивался – когда под личиной релаксационных услуг скрывались бордели и наркопритоны, – поэтому следующим этапом проверил место работы Таниной подруги.

«Восточный СПА-рай» оказался разветвленной сетью – семь салонов в Москве, филиалы в Питере, Новосибирске, Екатеринбурге. Хозяин в лихие девяностые водил дружбу с орехово-зуевскими, но уже в начале двухтысячных от бандитов отмежевался и ходил теперь под защитой бывших коллег Ходасевича. Возможно, иные массажистки в его салонах и оказывали клиентам сексуальные услуги, а потом их шантажировали, но пока что двигаться в данном направлении смысла не имело.

И Валерий Петрович перешел непосредственно к Таниной просьбе. Фамилия клиентки и номер ее мобильного в его распоряжении имелись.

Телефон принадлежал Евгении Петровне Сизовой. Гражданка проживала в Подмосковье, состояла в браке с Максимом Юрьевичем Тасенковым (однако фамилию оставила девичью). Воспитывала сына Дмитрия семи лет от роду. Трудилась главным бухгалтером в столичном фитнес-центре «Пегасус».

Не судима, ни на каких учетах не состояла. Хронических

заболеваний – по крайней мере, официально – не имела. В районную поликлинику последний раз обращалась два года назад – сходила к терапевту, сделала флюшку (без патологии) и поставила спираль.

А в пятницу, двадцать пятого июня, ее экстренно госпитализировали в ближайшую больницу с обширным геморрагическим инсультом. Состояние в настоящий момент крайне тяжелое, прогноз неблагоприятный.

Ходасевич аж крикнул. Всего-то тридцать восемь лет женщине.

* * *

Когда Данг узнала, горько расплакалась.

А едва слезы высохли, твердо сказала:

– Я хочу ее навестить. Как это сделать?

– Не знаю, – слегка опешила Таня. – Если инсульт, она, наверно, в реанимации. Туда не пустят.

– А если денег дать? – вкрадчиво произнесла филиппинка. Поспешно добавила: – Я заплачу. Ты только узнай, кому.

– Но зачем тебе это? – Садовникова искренне не понимала.

Данг опустила глаза. Прошептала:

– Это просто моя просьба к тебе.

– Слушай, не держи меня за дурочку. Ты что, всех клиентов, кто заболел, ходишь в больницу навещать?

– Я хочу понять, что с ней случилось на самом деле, – отрезала Данг.

– Ты что имеешь в виду?

– Таня, дай мне слово, что не будешь смеяться. Хотя смейся. Я сумасшедшая, наверно. Дело в том, что я всегда предчувствую, когда у человека будет инсульт. Заранее. За две недели минимум.

Она взглянула на Садовникову с опаской. Но та заинтересовалась. Спросила с любопытством:

– А как это можно предчувствовать?

– Если совсем скоро будет апоплексия, кожа на голове становится очень горячая. И взгляд – будто из другого мира. Я своим клиентам уже два раза предсказала. Один раз дома. Второй – здесь, в России.

– И что с ними стало? – заинтересовалась Татьяна.

– Молодой мужчина сказал, что я дура, – вздохнула Данг. – И умер. Через неделю. А еще одна женщина в Маниле тоже сначала ругалась. Но все-таки пошла к врачу, и у нее определили раннюю стадию. Вылечили. Она полностью восстановилась. Потом приходила деньги давать. Про меня даже писали в местной газете.

– Круто, – оценила Садовникова.

– Женья, как и ты, моя клиентка уже второй год. Я хорошо знаю ее тело. У нее хорошая кровь, сильное сердце и хладнокровный характер. Такие люди могут умереть от рака, от травм. Но у нее не было никаких предпосылок для удара. Де-

сять дней назад, в прошлую субботу, она приходила. Я разминала ей шею, голову и не почувствовала ничего. Никаких предвестников. Поэтому я считаю, что врачи ошиблись.

– Ну, знаешь. В России медицина, конечно, не шедевр... особенно бесплатная. Но, по-моему, с диагнозом инсульт ошибиться трудно. Тем более сейчас томографы во всех больницах.

– С ней могли что-то сделать. И это вызвало удар, – тихим голосом произнесла Данг.

– Кто? Как? Зачем?

– Можно приготовить настой из лимонника и женьшеня. Дать выпить и прочитать заговор. Травы повысят давление на тридцать или сорок единиц. А колдовство способно усилить его в несколько раз. И тогда давление поднимается до такой степени, что рвется сосуд. Но в организме не останется никаких следов. У нас на Филиппинах есть такая женщина... плохая. К ней обращаются те, кто хочет овдоветь.

– Господи, Данг, что за дикости ты рассказываешь!

Опустила глаза:

– Танья. Я никогда не лезу в личную жизнь клиентов. Даже специально стараюсь не вникать, если они что-то рассказывают. И когда по телефону говорят, не слушаю. Но я... я уже давно в России и немного знаю ваш язык. Говорить хорошо не могу, но кое-что понимаю. У Женьи... у нее нехороший муж. Она бухгалтер и работает много. А он... он, кажется, на ее шее сидит.

Таня (хотя и не хотела) вовлеклась в странный диспут:

– Но если за ее счет существует, какой смысл убивать?

Она нужна ему здоровая и живая!

– У Женьи, несомненно, есть накопления. Дом, где они живут, лично ей принадлежит, я так поняла. Он законный супруг. Если она умрет, все ему достанется.

– Да откуда ты все это знаешь?

– Однажды муж ей звонил сразу после массажа и говорил про то, чтобы дом продать. А Женья кричала: «Нет, нет и нет». Назвала его *chiortov nakhlebnik*. Такие часто женятся на богатых, а потом идут к мастерам вуду, чтобы овдоветь.

– Слушай, Данг, но Россия – не Филиппины. У нас колдовство не настолько развито.

– Зато у вас почти все лекарства продаются без рецептов, – стояла на своем массажистка. – Они действуют сильнее, чем травы.

– Ну, хорошо. Прорвемся мы в больницу. Ты увидишь свою клиентку. И что? По ее внешнему виду определишь причину инсульта? Пойдешь в полицию и будешь там рассказывать про порчу? Данг, не смейся.

Карие глаза наполнились слезами:

– Я просто хочу посмотреть на нее. Может, смогу свою энергию ей передать. Или понять: выкарабкается или нет.

– И что, если нет?

– Тогда буду тебя просить, чтобы ты ее сыну помогла. На папу там нет надежды.

– Ох, Данг! – простонала Садовникова. – Насколько проще было, пока мы с тобой просто развлекаться ходили! Во что ты меня втягиваешь?!

Но отказать не смогла. И в их традиционный четверг, вместо ресторана или театра, поехали за шестьдесят километров от Москвы, в Истринский район.

Сама Татьяна лечиться терпеть не могла, поэтому понятия не имела, как современные больницы выглядят. Если судить по частной клинике, где она раз в год check-up делала, – все вроде нормально, современно, быстро, вежливо. Мама и отчим пользовали поликлиники государственные и признавали: недостатки имеются, но в целом лучше, чем при СССР.

Больница Зареченска, куда привезли Женю, издали выглядела даже романтично. Старинный дом из потемневшего от времени красного кирпича окаймлен вековыми деревьями.

Но чем ближе подходили, тем более зловещим казалось место. Парк неухоженный, заросший, урны переполнены. Дорожки в глубоких выбоинах. Одноэтажный сарайчик с зарешеченными окнами и вывеской: «Морг».

На главном здании красовалась табличка, что построено оно в 1869 году, и раньше здесь располагался странноприимный дом. Кирпич выразительно осыпался, ступеньки в приемное отделение полуразрушенные, крыша в заплатках. Только пластиковые окна и новенький пандус для инвалидов указывали на то, что на дворе все-таки двадцать первый век.

Внутри тоже – преданья глубокой старины с редкими вкраплениями современности в виде электронной очереди, которая все равно не работала. Линолеум на полу вздулся, каталки грохочущие, старинные.

Перед травмпунктом толпа, вперемешку взволнованные мамашки с детьми и нетрезвые дядечки с ободранными физиономиями.

Данг двинулась было к окошку с надписью «Регистратура», но Таня шепнула:

– Наш путь неофициальный.

Первый шок у нее миновал. Тоже наши реалии, ничего не поделаешь. Зато условностей меньше. В столице с тебя маску обязательно потребуют, бахилы, паспорт и вообще посещения в связи с эпидемией ковид-19 запрещены. А здесь санитарным мерам особого значения не придавали – видно, и без того забот хватало.

Указатель утверждал, что реанимация располагается на третьем этаже и вход туда категорически запрещен. Таня вытянула из кошелька несколько пятисотенных купюр, распределила по разным карманам. Обернулась к массажистке:

– Нужна легенда. Кто мы ей? Подруг – пустят вряд ли. На сестер тоже не тянем.

– Можно назваться волонтерами, – предложила массажистка.

– Предложить помощь в интенсивной терапии? – усмехнулась Садовникова. – Не поймут.

– Мы можем быть волонтеры для Митя, ее сына. И прийти сюда по его просьбе.

– А ты соображаешь!

Они поднялись на третий этаж. Заняли выжидательную позицию подле двери с кодовым замком. Посторонних вроде бы не допускают, но из реанимации уверенной походкой вышла бабеха с хозяйственной сумкой – по виду совсем не медик.

Тане к ней подкатила:

– Скажите, пожалуйста, а как туда попасть?

– Так главный врач пропуск дает. Или с сестричками договориться. За малую благодарность, – словоохотливо объяснила посетительница. – Они только рады будут: все равно ухаживать некому.

Сама надавила на звонок, попросила:

– Аленушка, пусти девочек! Вы к кому? К Сизовой они!

Аленушка оказалась пышнотелой, кудрявой, щечки румяные, губки бантиком, вид мечтательный – будто не в больнице, а в библиотеке работает. С удовольствием приняла две пятисотенных (Таня решила не мелочиться). Выдала бахилы с масками, велела надеть одноразовые (но на вид сильно бывшие в употреблении) халаты и шапочки.

Спросила почему-то с надеждой:

– Вы пациентке родственники?

– Не совсем, – осторожно отозвалась Таня.

– Жаль, – вздохнула Аленушка. – Никому не нужна она...

В реанимации духотища, больные все голые, мужчины, женщины – вперемешку, в одной огромной палате. Стонут, кричат, какой-то старичок Алену попытался за полу халата схватить. Но та и ухом не повела, руку молча стряхнула, мечтательный вид сохранила.

Провела их в дальний угол. Драматически объявила:
– Вот она, горемычная.

Недвижимое тело. Глаза запали, утопают в черной синеве. Губы ввалились. К лицу лейкопластырем приклеены трубочки, соединяют рот и нос с натужно шумящим аппаратом.

Данг ахнула. Тане тоже стало жутко. Она не знала, как выглядела Женя до болезни, но женщине здесь лет шестьдесят. И смотрится она совсем, ну, абсолютно мертвой.

– Седьмой день в коме, – печально прокомментировала Алена.

– В медицинской? – с умным видом уточнила Садовникова.

– Если бы, – вздохнула медсестра. – Уже привезли ее в таком состоянии.

– А что можно сделать?

– Надо было сразу, как инсульт случился, экстренные меры принимать, – печально сказала Аленушка. – Сейчас поздно уже. – Добавила шепотом: – Врачи между собой говорят, что надежды нет. Хотят от жизнеобеспечения отключать.

– То есть ее мозг мертв? – спросила Садовникова.

Данг поморщилась. Алена – не слишком уверенным то-

ном – объяснила:

– Пока не мертв. Но доктора ставят «минимальное сознание минус» – это состояние, близкое к вегетативному.

– Можно... можно нам побыть рядом? – почти без акцента попросила Данг.

– Конечно, – кивнула медсестра. – Поговорите с ней. Такие больные все слышат. И им очень важно внимание.

Но Тане даже подумать было страшно – остаться подле недвижимого, незнакомого, почти мертвого тела. Не ее ипостась – «с больным сидеть и день, и ночь». Лучше действовать.

– Где ее лечащий врач? – строго спросила она у медсестры.

– Домой ушел. Он после суток.

– А главный на месте?

– Должен быть. – Аленушка взглянула с опаской.

– Отведите меня к нему.

* * *

Садовникова представляла, что рулевой в захудалой больничке окажется пожилым, усталым, с мудрыми морщинками в уголках глаз. Но в ледяном холоде кабинета (в отличие от душной реанимации, кондиционер здесь имелся) ее встретил истинный выпускник Оксфорда. Ботинки сияли лаком, под безупречным халатом виднелись брюки в клетку, оправ

очков блестела золотом.

Поначалу Тане доктор категорически не понравился. Но пригляделась: мужик не старый, а лоб весь в морщинах, глаза в красных прожилках. И наряд не из бутика. Брюки на пафосную марку «Burberry» только клеткой похожи. На глянце башмаков проступают более темные пятна – похоже, маркером цвет восстанавливали. Можно только уважать человека. Пижонить на гроши – нелегкое искусство.

И английскую марку старается держать. Учтиво предложил чаю, спросил, чем может служить.

– Я по поводу вашей пациентки Евгении Сизовой. Она в реанимации, в коме.

Тот сразу насторожился:

– Вы ее родственница?

– Нет. Я волонтер. – Очень кстати оказалась легенда. – У Сизовой сын семи лет. Отец целый день на работе, ребенок один. Мы взялись помогать семье. Вот, пришла узнать... каковы перспективы.

Доктор снял пенсне (конечно, не золотое), взглянул цепко, светски молвил:

– Вы понимаете, что я не вправе разглашать медицинскую тайну?

– Да все я понимаю. Но мне нужно знать: есть ли у нее шансы?

– Шансы, шансы, – скривился денди. – Вы нашу больницу видели? Много у нас тут возможностей – больных с инсуль-

том выхаживать? Может быть, технологии новейшие? Или хотя бы нейрореанимация имеется?

Он сухо добавил:

– Ее привезли уже в коме. Мы сделали все, что могли.

– Но теоретически – очнуться она может?

– Теоретически все бывает. Описан случай, когда пациент через девятнадцать лет в себя пришел. Но иллюзий лучше не питать. Это только в кино: красавицы проспят полжизни, а потом просыпаются здоровы, молоды и прекрасны. Или сериал я американский смотрел – очнулся, с койки вскочил и сразу побежал с врагами драться. Реальная жизнь печальней. После дня в коме шансы на полное выздоровление еще есть. Но прошла уже неделя. Даже если она придет в себя – скорее всего, останется глубоким инвалидом. Парализация – полная или частичная. Психические нарушения. А муж там такой, – он поморщился, – что возиться с ней не станет.

– Это я уже поняла, – вздохнула Таня.

– Кстати. Из больницы мы будем вынуждены ее выписать.

– Ээ... то есть как? Куда? – опешила Садовникова.

– Куда родственники скажут. В частное лечебное учреждение. Или домой.

Таня вспомнила пациентку – с трубками во рту и носу, подключенную к аппарату ИВЛ, и в растерянности спросила:

– Но кто будет за ней ухаживать – дома?

– А кто за ней будет ухаживать здесь? – парировал врач. – У меня средний медперсонал на две ставки работает. А ей

нужно раз в два часа положение тела менять. Специальные мази от пролежней накладывать трижды в день. Кормить парентерально. Подмывать, слизистую обрабатывать. Поймите, милая девушка, – он сердито отодвинул чашку, – в реанимации я ее больше двух недель по регламенту держать не могу, а в отделении смотреть за ней некому.

– Разве можно выписать из больницы человека в коме? – искренне удивилась Татьяна.

– Угрожающее жизни состояние мы купировали. Сейчас ей в первую очередь нужен хороший уход. А его обеспечить в условиях нашего стационара невозможно.

Тут он прав.

– А если нанять для нее сиделку?

– Предлагали супругу. У нас девочки подрабатывают, частным образом. Он отказался. Сказал, дорого.

– Скотина, – не удержалась Таня.

– Не судите опрометчиво, – укорил доктор. – У меня одна пациентка после автокатастрофы больше года в коме пролежала. Родные за нее бились. Сиделка круглосуточно, шарлатанов каких-то приводили, разговаривали с ней, любимую музыку слушать давали. Куча денег, сил и надежд. В итоге все равно умерла.

– А у Сизовой... сколько шансов в сравнении с ней?

– Никто вам не скажет. На боль реагирует, еще кое-какие реакции сохранены. Но с каждым днем надежд на выход в ясное сознание все меньше.

– Скажите, пожалуйста, – вкрадчиво спросила Татьяна. – Это вообще нормально, что у такой молодой – и вдруг инсульт?

– Мы же не знаем, что ему предшествовало. Возможно, у пациентки гипертония имелась. Не диагностированная или непролеченная. Плюс общие факторы: гиподинамия. Алкоголизация. Стрессы.

– А вы анализы брали у нее?

«Англичанин» посуровел:

– Вот это поворот. Проверить меня решили? Или в мисс Марпл сыграть?

– Может, я, конечно, дилетант, но считаю: если инсульт у человека до семидесяти – это явно не просто так.

– А вы статистику посмотрите. Тяжелые мозговые нарушения сейчас очень помолодели.

– Но ее точно не отравили ничем?

– Слушайте, почему я вас до сих пор не выгнал?

– Так брали анализы или нет?

– Естественно, брали. Никакого *яда* или иных подозрительных субстанций. Но муж сказал: она накануне очень сильно понервничала.

– Понятно.

По грозному виду доктора Таня поняла: время сматывать удочки. Спросила максимально кротко:

– Что сыну-то ее сказать?

Врач вернул на переносицу псевдозолотое пенсне. Шум-

но, безо всякого английского лоска, прихлебнул чаю. Ответил жестко:

– Не знаю, что для ребенка лучше. Запомнить маму красивой и молодой или смотреть, как у нее изо рта слюна капает.

– Но... вы пока не собираетесь отключать аппараты?

– Не имеем права.

– А как это вообще происходит?

– Должна наступить смерть мозга. Чтобы ее диагностировать, собирается консилиум. Оценивают клинические признаки, проводят дополнительные исследования, делают контрольную энцефалограмму.

– Мите можно будет хотя бы с ней попрощаться?

Доктор мягко сказал:

– Давайте пока что надеяться на лучшее.

Садовникова вытащила кошелек, вытряхнула всю наличность – тысяч пятнадцать, разными купюрами. Попросила:

– Давайте, пожалуйста, найдем для нее сиделку. За счет... нашей волонтерской организации.

Доктор взглянул проницательно, но ничего не сказал. Вдавил кнопку селектора. Потребовал:

– Машу пригласите ко мне.

Кивнул Тане:

– Деньги сиделке лично отдайте.

Хоть и не англичанин – но джентльмен.

Максим научился жарить яичницу в седьмом классе. Но сейчас, в свои тридцать девять годков, опять ее сжег. Просто затмение какое-то. Или Женька (хоть и лежит без сознания) на него порчу насылает?

Четыре хороших деревенских яйца пропали, вонь на всю кухню, и Митю чем кормить теперь? Он чертыхнулся.

Арчи вокруг стола крутится, колотит об пол хвостом. Тоже голодный. При Женьке было заведено, чтобы только специальные корма, но кому теперь ездить за ними? А доставка в деревню изрядных денег стоит. Так что пришлось Арчи перейти на простецкую собачью еду из сельпо – не нравилось, морду кривил, загребал, словно кот. И сейчас в миске завалялось со вчерашнего дня – опять выбрасывать.

Угольки из яичницы перестали шипеть. Прежде чем выбросить, отделил небольшую часть, кинул псу. Арчи смел в момент, глядит умильно, еще просит. Быстро элитная спесь слетела – вместо суперпремиума готов горелую яичницу глотать. Но больше давать не стал. Мало с Митькой хлопот – еще собаку придется лечить.

Соседка по выходным не помогала, и Максим с неудовольствием предвкушал очередную тоскливую субботу. Ковыряться на кухне, вести Митю гулять, слушать его бесконечное: «Когда мама вернется?»

Да, удружила жена, ничего не скажешь. Надо ж было: между землей и небом зависнуть! И что дальше делать? Врач вон вчера сказал – растением, в дреме, Женька хоть десять лет еще проживет. Но ему-то как быть? Работать, хозяйствовать, Митю поднимать. И безо всяких перспектив – формально считается женатым.

Жена, когда ребенка обсуждали, клялась – *игрушку* лично для себя заводит. И слово сдержала – бессонные ночи, колики и прочая хлопотня Максима вообще не касалась. С Митькой общался, только когда сам хотел, а едва сын начинал подхныкивать, Женька подсказывала, забирала. Выростила в итоге тепличный цветок, плаксу. Кто мог подумать, классический маменькин сынок в итоге на его плечи свалится?

«Не буду ничего готовить. Хлеба в тостере пожарю, колбасы порежу – пусть ест», – решил Максим.

Но приготовить упрощенный завтрак не успел – звонок в калитку. Кого еще черти несут? Опять, что ли, из правления явились насчет борщевика вдоль забора ругаться?

Максим сунул босые стопы в дачные галоши, пошел открывать. Вот те ну те! У забора пижонский «Инфинити» стоит. А у калитки – фря. Вся такая столичная, гармоничная, сумка из крокодила. Но сиськи нормальные. Волнуется, взгляд заискивающий:

– Вы Максим Юрьевич?

– Ну.

Ладная девка. И, похоже, горячая.

– Меня зовут Таня. Ваш адрес дали в больнице, где Евгения лежит.

– И чего дальше? – насторожился.

Сглотнула, начала торопливо объяснять:

– Я из волонтерской организации. Мы помогаем семьям, кто в трудную ситуацию попал. Знаю, что вы один с ребенком остались, работаете, бабушек нет. Вот я и приехала. Могу обед приготовить. С Митей поиграть. Свезить его куда-нибудь, если нужно.

Он взглянул с сомнением:

– Ты ради нас – на «Инфинити» – приперлась из Москвы за шестьдесят километров?

Чутка расслабилась. В глазах искорки полыхнули:

– Имелись варианты поближе, но меня не привлекло. Зачем мне таджикские погорельцы или мать-одиночка с шестью детьми? Лучше до вас прокатиться. Все равно суббота.

Да, с кисломордой соседкой не сравнить. И помощь на халяву всегда кстати. Но нет ли подставы какой?

Максим посмотрел пристально:

– А как твоя волонтерская организация называется?

– Никак, – пожала плечами. – Это просто чат у меня на работе. Туда скидывают информацию о тех, кому помощь нужна. У сотрудницы тетка в Зареченской больнице, она про вашу жену и написала. Без фамилии: просто что семья в сложном положении. А детали мне главный врач рассказал.

– А сама где работаешь?

– Рекламное агентство «Ясперс энд бразерс». Креативный директор.

– Нехило. Я б в свой законный выходной лучше в тренажерный зал сходил.

Усмехнулась:

– Я когда людям помогаю – заряжаюсь лучше, чем на фитнесе.

Ну да, ну да. Если «Инфинити» и сумка за много тысяч – чего бы добренькой не побыть.

Не очень приятно уязвимой категорией населения себя чувствовать. Сказать бы ей гордо: «Не надо нам ничего». И пусть катится. Но тогда придется и сегодня самому по хозяйству колотиться.

Он строго попросил:

– Паспорт покажи.

Протянула. Садовникова Татьяна Валерьевна. Москвичка. Не замужем. Год рождения увидел – вообще обалдел, лет на пятнадцать моложе выглядит.

Но на его раздевающий взгляд обдала холодом. Типа, даже подступаться ко мне не смей, босяк. Гордая. Ну, пусть портит свой маникюр.

Он усмехнулся:

– Ладно. Раз приехала – иди, помогай. Обеда как раз нет. И завтрака тоже.

Валера всегда учил: если врать, то близко к тексту.

В Танином агентстве действительно имелся чат: «Нужна помощь!» Чаще всего там просили контакты хороших косметологов или репетиторов для детей, но иногда и серьезные проблемы описывали. Так что запросто могли упомянуть про больную в коме и ее маленького сына без присмотра. Не слишком правдоподобно, что главный врач якобы сказал адрес, но Максим, по счастью, поверил.

Супруг у Жени – на лицо загляденье. И фигура нормальная. Но в домашних декорациях, в переднике и галошах на босу ногу выглядел весьма жалко. И, похоже, тяготился своей ролью соломенного вдовца. В доме бесприютное запустение. Засохший букет полевых цветов (еще Женя, что ли, собирала?), в коридоре пустые пакеты, обувь на грязных газетах.

В коридор выбежал пес – джек-рассел. Грозно тявкнул, взялся с подозрительной мордой обнюхивать Танину брючину. Зубы показывал острые, но она бесстрашно потрепала собаку по загривку. Та взглянула с удивлением, лизнула ей руку.

– Ишь, ты. Признал, – оценил Максим. И заорал: – Митька! К тебе гости!

Со второго этажа скатился худенький, бледный мальчик.

С надеждой бросился к Тане:

– Вы от мамы?

– Господи, да ты совсем, что ли, помешался? – разозлился

Максим. – Это просто тетя. Пришла с тобой поиграть.

– А зачем ей со мной играть? – серьезно спросил ребенок.

Садовникова улыбнулась:

– Чтобы ты не скучал. Пока мамы нет дома.

– Вы какая-то дальняя родственница? Или папа вам деньги будет платить?

– Дмитрий, слишком много вопросов, – строго сказал отец. – Покажи тете Тане свою комнату.

– Ну... пойдете.

Они поднялись на второй этаж. В детской полный шкаф книг, на тумбочке малышовый учебник английского и потрепанные «Денискины рассказы».

Таня с сомнением взглянула на кроху:

– Ты уже читать умеешь?

– Конечно. Я осенью в школу иду! – Он взглянул умоляюще: – А вы мою маму видели?

– Да, – кивнула Таня.

– И как она?!

– Она... она пока не пришла в себя.

– Но долго еще ждать?

Садовникова потупилась. Врать нельзя, правду сказать – совсем невозможно.

У Мити на глазах выступили слезы. Он прошептал:

– Я подслушал... папа говорил... мама скоро умрет?

– Ерунду ты подслушал, – взорвалась Татьяна. – Чего тебе маме умирать? У нее стабильное состояние. Просто без сознания пока.

– А когда же она наконец поправится? – требовательно спросил мальчик.

– Нужно время, – промямлила Садовникова.

– Лично мне мама говорит, что уже скоро.

– Это как она тебе говорит?

Митя взглянул насмешливо:

– Может, она и без сознания, но ко мне приходит. Почти каждый день.

– Во сне?

– Почему во сне? По-настоящему. Иногда только слышу ее. А бывает, что и вижу.

– Не поняла...

– Вчера я пускал бумажные самолетики, и один залетел на шкаф. Я стал доставать, но со стула дотянуться не мог. Тогда табуретку на него поставил, а она шатается. И тут голос: «Не смей туда лезть!» Прямо четко мамин! А позавчера я плакал ночью, и мама меня по спине гладила. Обернуться и посмотреть я испугался, но руки точно ее. Даже пахли кремом, которым мама всегда их мажет. Тогда она и сказала: «Потерпи совсем чуть-чуть, я уже поправляюсь».

Таня в мистику не верила, но силу материнской любви даже закоренелые материалисты признают. Есть документаль-

но подтвержденные случаи, когда умершие женщины своих детей реально оберегали от бед.

А у Жени – всего-то кома, поэтому какая-то ее *субстанция* запросто может присутствовать дома, приглядывать за сыном.

Садовникова поежилась. В присутствии (даже чисто гипотетическом) чьей-то души ей было неуютно.

Она спросила нарочито бодро:

– Во что будем играть?

Митя смущенно улыбнулся:

– А ты не можешь меня сначала чем-нибудь покормить?

* * *

Таня детей побаивалась. Кривилась, когда в супермаркетах или самолетах чьи-то отпрыски начинали скандалить, и очень боялась, что в первый же свой волонтерский день сбежит от Митиных капризов.

Но мальчик – хотя с виду совсем малыш – вел себя словно маленький старичок. Первым делом отправились на кухню. Митя показал, где лежит картошка, взялся чистить – получилось даже лучше, чем у нее. Вареную колбасу с подозрительно засохшими краями предложил обрезать и обжарить на сковороде. По всем правилам – как в ресторане – накрыл стол. Когда Таня, непривычная к хозяйству, разбила тарелку, тактично сказал: «Посуда к счастью бьется».

А когда поели, попросил:

– Поможете Арчи вымыть? Он весь в репьях, я один не справлюсь.

Пес идею воспринял с восторгом и даже не рычал, пока Таня решительно, но неумело выдирала из его шерсти колючки.

Митя объяснил:

– Он умный. Понимает, что больно, но надо. Мама его раньше каждый вечер купала. А сейчас уже больше недели грязный ходит.

– Чего папа не моет?

Мальчик хихикнул:

– Боится. Арчи может его укусить. У него мама хозяйка.

– А папа тогда кто?

– Папу он терпит.

– Как мама с папой познакомились? – заинтересовалась

Таня.

– Мама замещала кассира, а папа пришел покупать абонемент в фитнес-клуб, – охотно объяснил Митя. – Уговорил ее вместе сходить потренироваться. А в качалке они поспорили, кто больше приседаний сделает, и мама выиграла. Тысяча сто одиннадцать против папиной тысячи.

– Да ладно! Это где она так научилась?

– Еще в школе. Тогда в стране были опасные времена, и мой дедушка говорил: надо иметь сильные ноги, чтобы убежать от проблем. Но сейчас мама уже не очень быстро бега-

ет. Мы с Арчи ее обгоняем.

– Все равно здорово. А где твой папа работает?

– Нужно говорить, что он работает менеджером. Но на самом деле папа курьер, – простодушно ответил мальчик.

– А учился на кого?

– Учился на бизнесмена. И когда они с мамой познакомились, был главным директором в своей фирме. Покупал ей бриллианты. Но сейчас он ездит на машине «каблук» и развозит клиентам всякие бачки, сифоны, тяпки и ведра.

– Маме, наверно, не очень это нравилось.

– Маме неважно, сколько папа зарабатывал. Но ей было обидно, что он давно перестал дарить ей цветы, делать массаж и вообще обижал.

– Что значит «обижал»?

– Ну, постоянно придирался. Что она поздно приходит с работы. Что не научила меня следить за порядком. Что отдала на английский, а не на карате.

И добавил с печалью в голосе:

– Сейчас папа тоже недоволен. Что мама отдыхает – в смысле, болеет, – а ему приходится со мной возиться.

– Да с тобой одно удовольствие возиться! – развеселилась Таня. – Картошку меня чистить научил!

– Так приезжай чаще. – Он с надеждой взглянул на нее. – Я тебя еще многому научу.

Таня прежде считала: идеальный вечер после работы – в тишине комфортной квартиры сидеть с бокалом вина и закусывать хорошим сыром. Но уже в понедельник она приняла совершенно спонтанное и нелогичное решение. Вместо того, чтобы отправиться домой, потащила по пробкам в Истринский район.

Доехала к восьми вечера. Максим отсутствовал, помогавшая по хозяйству соседка тоже. Мальчик и пес сидели голодные. Митя объяснил:

– Тетя Люся сегодня сварила суп с чешуей, мы с Арчи такой не любим.

– А ему вообще можно суп?

– Тетя Люся сказала, что голод не тетка. Только Арчи все равно есть не стал. Он любит корм суперпремиум.

– Понятно. Совсем вы тут закисли. – Таня вспомнила, какие торговые центры видела по пути, предложила: – Может, в «Мираж» рванем? Там и бургеры всякие, и зоомагазин есть.

– Ой, давай! – просиял Митя. – Мы с мамой всегда туда ездили за вредной едой!

Садовникова позвонила Максиму. Тот явно обрадовался и разрешил «обратно не спешить». Взяли с собой Арчи да отправились. Ели пиццу, картошку фри и мороженое. В су-

пермаркете закупили полную тележку вкуснятины – и для джека-рассела целую коробку его любимой еды. Посетили мини-зоопарк. Митя научил Татьяну играть в аэрохоккей, а она его – стрелять в тире по баночкам. Арчи твердо занял позицию по правую руку от Тани, Митя прыгал-подскакивал слева. Продавцы называли ее «мамочкой», Садовникова про себя злилась, но не поправляла и все ждала, когда наконец ребенок начнет ее бесить.

Но, хотя зевал и явно устал, Митя капризничать так и не начал. Дома дисциплинированно почистил зубы, переоделся в пижамку, спросил:

– Ты сказки знаешь?

– Жили-были два гуся, вот и сказка вся!

– Нет. Этого мало.

– Ну, могу тебе тогда реальную историю рассказать.

И поведала ему про уникальный красный бриллиант².

Митя внимательно выслушал, с уважением сказал:

– А ты крутая!

Вернулся Максим. Погремел кастрюлями и немедленно прошествовал к телевизору. Перед тем, как уехать, Таня заглянула на кухню. Груда посуды, пол грязный. Убирать, конечно, не стала – в бесплатные горничные она уж точно не записывалась.

Но Митю продолжала навещать почти каждый день. Привозила лакомства, водила в кино, вместе с Арчи ходили в

---

² См. об этом: *Литвиновы А. и С.* Отпуск на тот свет.

лес. Мальчик постоянно требовал от нее историй, и Садовникова с удовольствием пересказывала ему свои приключения, усмешливо думая: «Как бабка я стала. Ничего интересного в жизни не происходит – так хоть поболтать, молодость вспомнить».

Она старалась, чтобы в ее повествованиях было побольше приключений, экшна – раз слушатель мальчишка. Но Митя (иногда в самом интересном месте) прерывал стремительный сюжет про ядерные боеголовки и коварство красавца-шейха³, спрашивал:

– А Карибское море – оно какого цвета?

– У берега – бирюзовое, особенно если там песок или риф.

На глубине – темно-синее.

– А морские коньки там есть?

– Мурену видела. Конька вроде нет.

– А вот я в Черном море конька сам поймал. Сачком.

Митя краснел, и Таня понимала: фантазирует, – но, конечно, не уличала.

Москву одолевала жара. Скромный Женин коттедж, кондиционерами не оснащенный, раскалился – дай боже. Таня, когда приезжала, обязательно водила мальчика за два километра, купаться в озере. Но вода там цвела, противно воняло рыбой, и у Садовниковой однажды вырвалось:

– М-да, не море.

А Митя робко сказал:

---

³ См. об этом: *Литвиновы А. и С. Вояж с морским дьяволом.*

– Я так туда хочу.

Опустил голову, смутился, добавил:

– Мы с мамой каждое лето обязательно ездили.

И у нее вырвалось:

– Так давай мы с тобой слетаем!

– А можно? – просиял Митя.

– Ну... почему нет?

– Значит, папа был прав, – с удивлением сказал мальчик.

– Насчет чего?

– Он мне давно говорил на море с тобой попроситься. А я думал, ты не согласишься.

– Тебе повезло, – улыбнулась Таня. – Я вообще-то собиралась в Испанию, на серфе кататься, но там сейчас карантин. Так что я открыта для других интересных предложений.

Обычно она старалась сбежать до того, как неприятный Максим Юрьевич с работы явится, но сегодня специально дождалась. Изложила ему идею. Тот с воодушевлением отозвался:

– Да конечно! Езжайте! Мальцу перед школой надо сил набраться, витаминов. Я сам хотел попросить, но неудобно было.

Таня сначала разохотилась показать любознательному пареньку Занзибар или хотя бы Турцию, но быстро выяснила: чтобы за границу ехать, нужна доверенность от обоих родителей. Пришлось ограничиться курортами Краснодарского края. Садовникова в красотах родной страны не слиш-

ком разбиралась, но почитала отзывы, выбрала самое, на ее взгляд, интересное, и вместе с Митей они спланировали маршрут. Геленджик (сафари-парк, канатная дорога). Анапа (дельфинарий). Адлер (ночная трасса и сумасшедшие аттракционы).

Митя заверил, что его не укачивает, поэтому планировали: прилететь на юг, сразу взять напрокат машину и по пути через все побережье заезжать на интересные пляжи. Купаться, ловить, а потом выпускать крабов, обязательно снова увидеть морского конька.

Танина мама вздыхала:

– Тебе бы со своим ребенком путешествовать!

Садовникова отбивалась:

– Брось! Готовый – куда лучше! Уже взрослый парень, не писается, не канючит. Воспитанный, умный.

Максим Юрьевич, похоже, планировал загулять – каждый день спрашивал, купила ли Таня билеты.

Митя упросил еще и Арчи с собой взять, и Садовникова жаловалась отчиму:

– Валерочка! У меня, по-моему, что-то с головой. Чужой ребенок, чужая собака. Трачу законный отпуск, сама плачу за всех.

– А глаза-то у тебя горят, Танюшка, – усмехался Валерий Петрович.

Вылет был назначен на пятницу, шестнадцатое июля. За пару дней позвонила Данг, попросила робко:

– Мы можем Женю навестить – до того, как ты уедешь?

– Зачем?

– Я... просто хочу ее видеть. Но если ты занята на работе, я поеду сама.

– Ой, Данг. Я уже давно на работу забила. Между прочим, из-за тебя.

– Таня. Прости меня, пожалуйста.

– Ладно. Заеду за тобой в четверг утром.

Женя выглядела плохо. Бесстрастное, восковое, еще больше исхудавшее лицо и никаких признаков жизни.

Данг присела рядом, осторожно взяла руку пациентки в свою, скривилась печально.

– Что? – испугалась Садовникова.

– Ее сердце слабеет, – прошептала филиппинка.

Таня, конечно, сразу отправилась к главному врачу. Тот вздохнул:

– К сожалению, положительной динамикой порадовать не могу.

– Но мозг еще жив?

– Некоторые рефлексы сохранились, – уныло отозвался доктор. – Но пошла уже четвертая неделя... С каждым днем комы шансы снижаются. Очень большая вероятность, что сердце в ближайшее время остановится само.

– Митьку жалко, – сказала Таня, когда они вышли из больницы. – Если Женя умрет, Максим быстро мачеху приведет. А то и в детдом отдаст.

– Ты могла бы стать хорошая мама для Митья, – улыбнулась Данг.

– С ума сошла?

– Почему нет? Мне кажется, юридически это возможно: опеку над ним оформить. Его отец возражать не станет.

Садовникова фыркнула:

– Нет, это не мое. Я лучше волонтером.

На следующий день Максим Юрьевич привез Митю, Арчи и чемодан в аэропорт. Спросил:

– Вы когда возвращаетесь?

– Тридцатого июля.

– Билеты обратные есть уже?

– Конечно.

– Ну, хорошо отдохнуть!

До регистрации провожать не стал, поспешил умчаться на свободу.

Тане (бывалому пассажиру) на стойке предложили апгрейд до бизнес-класса. Сначала хотела отказаться – что там, всего два часа лететь, – но увидела, как загорелись Митины глаза, и сказала:

– А давайте!

– Тетя Таня, ты какая-то фея, – с восхищением прокомментировал мальчик.

Чувствовать себя волшебницей приятно, и она из всех сил старалась, чтобы Митя в их поездке был счастлив. Покупала ему сахарную вату и кукурузу, гоняли вместе на водном

мотоцикле, плавали с дельфинами, катались на катамаранах (обязательно с горкой), обследовали дольмены (по вечерам, чтобы интереснее и страшнее), принимали целебные ванны в озере с голубой глиной, после которых тело становится зеленым, как у Шрека, фотографировались у водопадов.

Неспешно, с ночлегами в домах отдыха, гостиницах, а однажды даже в гламурном кемпинге, в палатке, где имелись вентилятор и холодильник, проехали по всему побережью – от Анапы до Адлера. Тут Таня решила не экономить – забронировала крутейший отель прямо на территории парка аттракционов (за то, чтобы Арчи сюда тоже пустили, заплатила совсем несусветную сумму). В первый же день Митя укатался и укупался так, что уснул на диване, пока Таня купальные костюмы развешивала. Она перенесла ребенка в постель, укрыла, включила кондиционер и снова вышла на балкон. Аттракционы блистали иллюминацией, чуть дальше чернело море. Садовникова потягивала белое вино со льдом и удивлялась, что внеплановый отпуск с чужим ребенком, да еще и в России, оказался очень даже душевным.

Завибрировал телефон. Данг. Голос встревоженный:

– Таня, вы когда возвращаетесь?

– Через три дня.

– Плохо. Ох, плохо.

– Да говори ты толком!

– Я чувствую: с Женей беда. Ты можешь в больницу позвонить?

Сочи ликовал, искрил фейерверками. Татьяне сейчас совсем не хотелось думать про колдовские предчувствия и чужие болезни.

Но она отставила бокал. Отыскала в Интернете номер справочной Зареченской больницы. Долго ждала, пока ответят. Заспанный голос велел перезвонить в рабочее время.

– Но мне очень важно. Посмотрите, пожалуйста, как у пациентки самочувствие.

– Фамилия?

– Сизова Евгения. Она в реанимации.

– Э... Сизова? Насчет нее вам надо к главному врачу. Завтра.

Трубку бросили и больше не снимали. А почему именно к главному? Таня тоже встревожилась. Набрала Максима.

Заботливый папаша выходил на связь пару дней назад. Спросил, теплое ли море и точно ли они возвращаются тридцатого. Садовникова начала рассказывать, что Митя сфотографировал подводным фотоаппаратом морского конька, но отец даже не дослушал.

Максим отозвался только с пятнадцатого гудка:

– Аллио? Этта кто?

Да он пьяный, похоже.

– Это Татьяна. Как у вас дела?

– П-плохо. С-сегодня комиссия была. У Ж-жени... у Ж-жени констатировали смерть мозга.

– Что?

– Б-бумагу дали мне. Вега... вега... ве-ге-та-ти-вное состояние. Ж-жизнь поддерживать бессмысленно.

– Она уже месяц в этом состоянии!

– Н-нет. С-сейчас с-тало хуже. Рефлексы угасли. Ок-кон-чительно.

Вроде бы всхлипнул, но Тане показалось – хихикнул. И, уже не заикаясь, выпалил:

– Я дал согласие отключить аппараты.

– Вы с ума сошли! Не делайте этого!

– Я уже с-сделал.

– Как?

– Так будет лучше. Всем нам.

Она швырнула трубку. Сердце колотилось, яркие всполохи Черноморья больно били в глаза.

Вот подлец! Как она сразу-то не догадалась?! Максим все специально подстроил! Услал сына подальше, на море. А сам во время его отсутствия запланировал жену убить.

Любящие люди последнее отдают, чтоб в близких жизнь поддерживать. Ждут месяцами, годами. Надеются: оковы спадут, мрак развеется. А этот... «Рефлексы угасли, я согласился отключить аппараты».

– Небось сам умолял их отключить, скотина! – сквозь зубы произнесла Татьяна.

Вернулась в номер. Митя спал безмятежно, по лицу бродила улыбка. Наверно, к нему опять пришла мама. В этот раз совершенно точно – из потустороннего мира.

И что теперь делать ей? Будить Митю, срочно вылетать в Москву? Должен же сын попрощаться!

Но тут Таня вспомнила. Ей лет семь или восемь. Пришла домой – одна, поднялась на лифте, – уже большая, а у соседней квартиры крышка гроба стоит. Какой ужас ее обуял! И хотя даже мертвого тела не видела – потом месяц просыпалась в кошмарах.

Может, пусть лучше не знает ничего? Но это отцу решать.

А тут и сам Максим звонит – легкий, низкое создание, на помине. То ли успел желудок прочистить, то ли смог себя в руки взять. Голос звучит осмысленно, больше не заикается. Тон просительный:

– Татьяна, могу я вас попросить ничего не говорить Мите?

– Но все равно ведь придется!

– Подготовим его аккуратно. Со временем свозим на кладбище. А похороны ему видеть незачем. Ребенок и так впечатлительный. Гроб будет открытый. И Женя... она не очень выглядит. Зачем это семилетке? Получит травму на всю жизнь.

– Максим, вы когда это все решили? – спокойно спросила Таня.

– Что конкретно? – Голос заledenел.

– Отослать нас и отключить аппараты?

Он вскипел гневом:

– Да что вы говорите такое! При чем здесь я? Сегодня позвонил главный врач! Сказал, что была комиссия. Мозг

мертв. Она теперь растение! ИВЛ можно и дальше гонять. Но смысла в этом нет.

– С вас денег попросили, чтобы в ней жизнь поддерживать? – участливо спросила Таня.

Максим не смутился:

– Да! Потребовали. Тридцать тысяч в сутки. Где я столько возьму? И, главное, зачем?

Она хотела ему объяснить: у сына была бы надежда. А в жизни иногда случаются самые удивительные чудеса.

Но поняла, что свежеиспеченный вдовец просто ее не поймет.

* * *

Таня прилагала все силы, чтобы Митя ни о чем не догадался. И мальчик ничего не почувствовал – продолжал наслаждаться летом и морем. А в последний вечер торжественно объявил:

– Ты маме нравишься.

– Э... что?

– Когда мы сегодня на квадрике гнали, а я за тебя держался, она мне в ухо шепнула: «Таня такая, как я!»

– Мама продолжает к тебе приходить?

– Конечно. Говорит, сейчас у нее новый, хороший врач. И уже совсем скоро она домой вернется.

– Ну... это прекрасно.

– Ты не бойся, Таня. – Он ласково обнял ее. – Даже когда мама придет, я тебя все равно не брошу! Мы будем втроем жить! Нет, вчетвером – вместе с Арчи.

– А папа?

– Ну... он тоже будет. У телевизора.

* * *

В жизни старика даже тучка в ясном небе – новость. А когда падчерица объявила, что приведет в гости свою подру-гу-массажистку, да еще просит разрешить возникший между ними *когнитивный диссонанс*, Валерий Петрович слегка занервничал. И готовиться начал загодя. Для Танюшки не мудрствуя лукаво нафаршировал перцев. Для заморской гостьи решил сделать национальное блюдо “adobo” – маринованные кусочки свинины и курятины, тушенные с рисом, чесноком и специями.

Он представлял массажистку забитой скромнягой – полностью в тени его блестящей падчерицы. Но Данг держалась с достоинством. Спина прямая, не тушует, глаза не опускает. Уже в коридоре унюхала запах филиппинской еды, церемонно сказала:

– Я очень высоко ценю ваше гостеприимство.

Ходасевич за годы службы повидал немало так называемых экстрасенсов, однако гостья не казалась ни аферисткой, ни сумасшедшей. Но и на заурядную массажистку –

прислугу, обслуживающий персонал – не походила. Глазенки живые, умненькие, и по ай-кью, похоже, от его Танечки не слишком отстают. В отличие от бывшей супруги (Юлия Николаевна обожала ахать, что «не понимает этой странной дружбы»), Валерий Петрович сразу усек, почему девушки сблизились. Его падчерица – огонь, вихрь. А филиппинка – прохладный, обволакивающий ручеек. Танечкин взрывной характер не изменит, но излишний пыл охладит.

Девушки хотели говорить о деле немедленно, но Ходасевич нарушать традиции не позволил. Прежде накормил, выслушал комплименты своим кулинарным талантам. Во время еды вел светскую беседу, то и дело взглядывал на Данг и уверился: пусть говорит по-русски неуверенно, с акцентом, но понимает почти все. И еще уверился: гостью судьба Жени волнует чрезвычайно. Но почему? Что за странная привязанность – к обычной клиентке, не родственнице, даже не подруге?

От десерта беляночка и смугляночка дружно отказались. Пересели в кресла, и Таня сразу захватила инициативу:

– Валерочка, ты согласен, что Максим нас с Митей на юг специально усла?

Данг еле уловимо поморщилась, но Ходасевич заметил. Спросил падчерицу:

– Специально для чего?

– Жену угробить. Аппараты без помех отключить.

Он перевел взгляд на массажистку:

– Вы тоже так считаете?

Та виновато взглянула на Татьяну и ответила:

– Я не отрицаю такой возможности. Только ключевой момент совсем в другом.

– И в чем же?

Но филиппинка ласково взглянула на подругу (а ту прямо распирало от нетерпения) и попросила:

– Можно, пожалуйста, сначала Таня скажет?

* * *

Митя лет с четырех заметил: если мамочка на него смотрит, ее глаза яркими звездочками вспыхивают. И сразу тускнеют, когда взгляд переходит на отца.

Мальчик удивлялся: почему папа никогда маму не обнимет, не поцелует? Но когда пытался сам клеить их отношения и уговаривал, например, вместе посмотреть мультик с попкорном, отец вроде был рядом, а все равно словно чужой. Мама не сводила взгляд со ста далматинцев и обнимала его за плечи, а папа сидел в полуметре, то и дело в свой телефон поглядывал.

А когда Митя с мамой что-нибудь затевали – снежинки из бумаги перед Новым годом вырезать или Арчи учить команде «Танцуй!», папа почему-то морщился, ворчал:

– Опять у вас коалиция.

Митя выяснил, что умное слово значит. Пытался отцу

объяснить, что коалиция – это объединение против врагов, а если папа к ним присоединится, они будут только рады. Но тот велел не умничать, и если сам иногда брался учить сына драться или с отверткой работать, маме всегда говорил:

– А ты иди, иди. Не мешай нам.

У всех Митиных друзей родители спали в одной комнате, но мама то и дело садилась перед сном ему почитать, задремывала рядом, и отец никогда не приходил ее звать. А иногда мальчик вставал первый, шел обследовать дом и видел: папа спит на диване в библиотеке.

«Зачем они поженились, если друг друга не любят?» – ломал голову Митя.

К разгадке он подобрался, уже когда мамочка заболела. Папа тогда уехал на работу, а он сидел на кухне, смотрел, как противная тетка Люська грязными тарелками гремит, ворчит:

– Хату профукал, машинку посудную профукал! И сам ничего не делает, скот!

– Кто скот? – заинтересовался Митя.

Соседка осеклась, цыкнула:

– Вопросов глупых не задавай.

А Митя вдруг вспомнил: он еще совсем маленький, только ходить научился, наверно. И живут они – да, точно, в городе! Из окна видна огромная река, вдоль нее набережная. И посуду грязную мама куда-то составляла и потом вынимала чистой. Но куда же их большая, уютная, красивая квартира

делась сейчас?

* * *

Танины глаза блестели азартом:

– Мите всего семь лет, но парень сметлив не по возрасту. Плюс я умею правильные вопросы задать. Мальчик мне рассказал: вроде бы раньше они в Москве жили. В коттедж приезжали только летом или на Новый год. Мне тоже представляется странным: Женя явная городская жительница, работает в столице. Зачем в глуши торчать? Максима спрашивать не стала. Сама выяснила. Они поженились восемь лет назад. Похоже, по залету. У нее на тот момент имелась в собственности квартира в Коломенском, пятьдесят шесть квадратов, и вот этот коттедж. Максим Юрьевич – гость из Виллюйска. Там ему какое-то жилье положено, но менять на столицу не стал. Поселился у жены, на халяву. Когда женились, дела у него шли неплохо: своя фирма купи-продай, «бэш-ка», ролексы, понты, рестораны. И за ней ухаживал красиво: бриллианты дарил, массаж делал. А пять лет назад затеял новое дело – сеть кафе сибирской кухни открыть. Евгении голову задурил: уникальное торговое предложение, грамотная концепция, инвесторы вроде тоже имелись. Предлагал вместе развивать, но она тогда уже работала в «Пегасусе», клуб оплатил ей декрет, и бросать стабильное место работы Женя не стала. Максим активно инвестировал, денег в дом вооб-

ще не носил, ей пришлось выходить в офис, платить Мите за няню. А дальше любящий муж еще подсуропил. Набрал кредитов, расплатиться не мог, тянул до последнего. Жене признался, уже когда огромные пени набежали. Я бы на ее месте далеко в лес послала, но эта инахин, – подмигнула филиппинке, – кинулась выручать своего драгоценного. Прода-ла собственность, чтобы Максимчик рассчитался с долгами. А они с тех пор живут в этой дыре. Жене до работы – два часа в один конец. Детский сад для Мити – или государствен-ный, при колхозе, в деревянном сарае, или коммерческий за многие бабки. А самое печальное, – Таня горько вздохнула, – что в Москве бы ее вытянули, наверно. У нас вроде целая программа городская против инсультов. На каждой подстан-ции реанимобиль приберегают для молодых, чтобы в «золо-той час»⁴ успеть. А в области «Скорая» ехала вечность. Ни-какого оборудования нет. Реанимация в местной больничке – отстой. Муж, короче, ее погубил. По всем фронтам.

Валерий Петрович заинтересовался:

– А где сейчас этот Максим работает?

Таня брезгливо скривилась:

– Болтает, что скоро с новым бизнесом прогремит. Но по-ка что курьер. На «каблуке» развозит скобяные товары.

– Тебе он не нравится, – констатировал Ходасевич.

---

⁴ При инсульте действует правило «золотого часа» – если больному оказывают помощь в течение первых 60 минут, то последствия будут минимальными, име-ется большая вероятность, что после проведенного лечения человек практиче-ски полностью вернется к полноценной жизни.

– Да вообще мерзкий тип! – раскраснелась Танюшка. – Слабак, предатель. И Женю убил. Именно он, собственными руками.

– Доказательства?

– Ну... мы много говорили с Митей. Он рассказал, что случилось в ту ночь... С двадцать четвертого на двадцать пятое июня. Накануне того, как мама заболела. Женя приехала домой очень поздно. Уже светлело и птицы во дворе пели – то есть, наверно, было часа четыре утра. Главный врач мне сказал: инсульт могло спровоцировать то, что она понервничала. И понятно, кто ее довел: Максим орал так громко, что Митя проснулся. Прибежал защищать. Но мама его обняла, убаюкала. А утром – он ее нашел в гостиной, на диванчике. Сначала решил: спит. Но посмотрел – времени девять. День будний. Обычно она в семь из дома уже выходила. Решил разбудить – не просыпается. Гладил, целовал, за руку тянул. Даже водой полил. Дышит – но глаза не открывает. Тогда побежал папу звать. Короче, моя версия. Женя, конечно, на мужа из-за своей квартиры дико злилась. А он – тот еще кобель, с гонором, не любит, когда суют мордой в грязь. Устал выслушивать упреки. Да и смысла в жене не видел – обобрал уже до нитки. Поругались в ту ночь, она, наверно, разнервничалась, пошла выпить воды. А он ей подсыпал что-то. Какую-нибудь дрянь, чтобы давление резко повысилось. Думал, случится инсульт, она сразу умрет, – у него свобода, да еще и дача останется.

– В больнице должны были взять анализы.

– Да что они там взяли! Клинику да биохимию. Никто ж не думал, что может быть криминал, – отмахнулась Таня.

– Тогда вряд ли что-то получится доказать, – констатировал Ходасевич.

– Понятно, что теперь не докажешь, – ворчливо молвила падчерица. – Но прижать этого Максима все равно можно. По другому поводу.

* * *

Татьяна – ученица Валерия Петровича! – понимала прекрасно: обвинять без доказательств бессмысленно. Посему накануне визита к отчиму взяла на работе очередной отгул и еще раз навестила провинциального доктора-денди. Боялась, что тот пошлет, но он словно ждал ее визита. Налил чаю, охотно предъявил все документы, оформленные с чисто английской дотошностью.

Комиссия действительно собиралась. Состояла она из трех опытных врачей (во главе, естественно, с ним самим). Медики провели обследование, зафиксировали устойчивую кому, атонию мышц и отсутствие всех рефлексов. Энцефалограмма показала полное электрическое молчание мозга. Доктора подтвердили смерть и подписали соответствующий протокол.

После того как смерть зафиксирована, гонять аппарат

ИВЛ, переворачивать, обтирать, подмывать больную бесплатно, разумеется, уже не будут. Супругу предложили оплатить дальнейшие расходы по поддержанию жизни пациентки. Однако тот, когда услышал сумму, только крикнул и предпочел быстренько написать заявление. Его доктор тоже предъявил. Почерк твердый, ни единой помарки. Бесперспективность лечения моей жены Сизовой Е. П. осознаю, против отключения от систем жизнеобеспечения не возражаю.

И даже проститься с еще живой (пусть и формально) супругой не пришел. Хотя мог, – особо подчеркнул главный врач, – отключению аппаратов всячески препятствовать. Просить, настаивать, в Минздрав писать жалобы.

Таня и с Аленушкой поговорила. Та поджала губы:

– Нехороший человек этот Максим. У нас в отделении, даже когда старички совсем плохие, и то родственники плачут, умоляют дать шанс. И мы часто идем навстречу, пусть случай и безнадежный. Тяжело человека убить, когда он вроде как живой. И по факту никто годами в коме не лежит. Если суждено умереть – сердце само остановится. Ну, не сегодня – через неделю, две, три. Не такие большие расходы. А этот прямо спешил от жены поскорей избавиться.

* * *

Татьяна разволновалась, покраснелась:

– Прошлый раз я встречалась с главным врачом перед нашим отъездом – примерно три недели назад. И тогда тот уверял: рефлексы присутствуют, вопрос о смерти мозга ставить рано. А стоило нам уехать – быстренько все оформили. По документам, похоже, не подкопаешься, – докторишка протоколы знает, подстраховался. Но где гарантии, что эту энцефалограмму нулевую именно у Жени снимали?

Ходасевич спросил:

– И что ты предлагаешь?

– Да прижать их, всех! Врачей – за халатность. Или вообще обвинить в сговоре. С целью убийства.

Валерий Петрович отметил: едва прозвучало слово «убийство», филиппинка поморщилась.

И резко спросил:

– Данг! Вы не согласны с Татьяной?

Массажистка взглянула с вызовом:

– Нет.

– Почему?

– Потому что я считаю: Женя жива.

Садовникова закатила глаза. Ходасевич не подал виду, что растерялся. Мягко попросил:

– Приведите, пожалуйста, доказательства.

– Ну, хотя бы тот факт, что она по-прежнему продолжает приходить к Мите, – не смутилась филиппинка. – Разве этого мало?

– А у вас есть еще какие-то аргументы? – мягко спросил

Прежде Данг являлись только вещие сны, да и то не всегда, а в ночи с полной луной. А теперь она и голоса начала слышать. Неделю назад работала, разминала очередную жирную, волосатую спину, и вдруг прямо в ухо женский крик:

– Помогите!

Потом увидела, не расплывчато, а абсолютно ясно: Женю, живую, люди в белых халатах по рукам-ногам связывают. Она бьется, вырывается – но врачи (или, может, просто униформу надели) сильнее. В рот кляп сунули и поволокли прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.